

Винсент Виллем

ВАН ГОГ

«Говорить за нас должны наши полотна.
Мы создали их, и они существуют,
и это самое главное».

Vincent

Письма

1853—1890

Винсент Виллем Ван Гог

Письма

Серия «Время великих»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35212874
Письма/ Винсент Виллем Ван Гог: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-107138-7

Аннотация

Эпистолярное наследие Винсента Ван Гога включает в себя более семисот писем, которые открывают нам правду о судьбе художника, чье искусство оставалось безвестным при его жизни и признано бесценным в наши дни. В этих письмах содержатся его размышления о жизни и искусстве, а также отражена эволюция его теоретических принципов. Собственное слово Ван Гога опровергает сложившееся общее мнение о нем как о безумце и раскрывает истинный масштаб яркого, экспрессивного искусства этого мастера.

Содержание

Предисловие редактора	7
Примечание издателя	13
Часть I. 1875-1881	14
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Винсент Виллем Ван Гог

Письма

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие редактора

Для большинства людей Винсент Ван Гог воплощает представление о «художнике как о безумном гении». Его душевное расстройство привело к тому, что однажды он даже отрезал себе мочку уха, и эта скандальная история сформировала общепринятую точку зрения о том, что Ван Гог был одиноким голосом в пустыне, приводимым в действие примитивными побуждениями и раздираемым внутренними демонами.

Жизнь художника действительно была наполнена противоречиями. А презрение к условностям помогало ему в создании собственного, неподражаемого (хотя попыток копировать его было немало) языка в искусстве, который, однако, не понимали его современники, а подчас друзья и близкие. При этом Ван Гог был мыслящим, образованным человеком, который мог виртуозно и красноречиво изъясняться на трех языках. Мы узнаем об этом из его многочисленных писем, сохранившихся благодаря его младшему брату Тео и супруге Тео – Иоханне Ван Гог-Бонгер. Эпистолярное наследие Винсента Ван Гога включает в себя более семисот писем, которые открывают нам правду о жизни художника, чье искусство оставалось неизвестным при его жизни и признано бесценным в наши дни.

Что значили для Винсента отношения с младшим братом,

становится ясно из писем, подавляющее большинство которых адресовано Тео, работавшему арт-дилером в Париже. Несмотря на то что Тео так и не удалось продать ни одной картины своего брата, он ввел нелюдимого, замкнутого Винсента в круг парижской художественной богемы. Кроме того, благодаря Тео Винсент мог покупать холсты и краски. Разумеется, почти в каждом послании Винсента к брату содержится либо просьба прислать еще денег, либо благодарность за очередную полученную переводом сумму. Неизменная моральная поддержка, которую Тео оказывал Винсенту, была для старшего из братьев поистине спасательным кругом в бурном водовороте жизни. Но Винсент не был пассивной или зависимой личностью. Напротив, его письма свидетельствуют о том, что он был для брата ярким, эмоциональным и участливым собеседником на темы как личного, так и интеллектуального характера.

И хотя Ван Гог обладал широкими познаниями в области литературы и искусства, как художник он сформировался исключительно самостоятельно, благодаря упорному, изнурительному труду. Ведь в своих ранних работах он предстает как не более чем одаренный от природы рисовальщик. Напряженное состояние его души и рассудка последних нескольких лет его жизни, которое сублимировалось в знаменитые шедевры, стало следствием внутренних и внешних мучительных противоречий, которые он пережил. Эти противоречия детально описаны Ван Гогом в его пись-

мах, которые также являются свидетельством его стремления овладеть техникой живописи, а более всего композицией и перспективой.

В то же время в письмах Винсента отражена эволюция его теоретических принципов. Неистовые, подчас кажущиеся безумными замечания Ван Гога о творчестве таких живописцев, как Милле и Делакруа на самом деле точны и пронищательны. Произведения этих живописцев Ван Гог сопоставлял с тяжелой работой скромных пахарей и ремесленников. «Художнику надлежит так же усердно трудиться, как, скажем, сапожнику», «я работаю на моих холстах точно так же, как крестьянин вспахивает поле», – подобные фрагменты из писем Ван Гога, страстных, содержащих подчас отвратительные подробности или же пронизанных меланхолией, передают нам ясно и полно суть жизненной и творческой одиссеи этого ныне культового живописца.

Частые приступы душевного расстройства измучили его в последние годы жизни. В психическом заболевании Ван Гога много загадочного. Известно, что во время припадков его посещали кошмарные галлюцинации, тоска и злоба, он мог есть свои краски, часами метаться по комнате и надолго застывать в одной позе. По словам самого художника, в эти моменты помрачения сознания он видел образы будущих полотен. В клинике для душевнобольных в Арле ему поставили диагноз «эпилепсия височных долей». Но мнения врачей о том, что же происходит с художником, расходились. **Доктор**

Феликс Рей считал, что Ван Гог страдает эпилепсией, **доктор Пейрон** из психиатрической клиники в Сен-Реми полагал, что художник страдал острой энцефалопатией (поражением головного мозга). В курс лечения он включил гидротерапию – двухчасовое пребывание в ванне дважды в неделю. Но гидротерапия естественно не облегчила болезни Ван Гога. При этом доктор Гаше, наблюдавший художника в Овере, утверждал, что на Ван Гога действовали долгое пребывание на солнце и скипидар, который тот пил во время работы. Но скипидар Ван Гог пил, когда приступ уже начинался, чтобы снять его симптомы.

На сегодняшний день самым верным диагнозом считается эпилептический психоз – эти довольно редкое проявление заболевания, которое возникает у 3–5% больных.

Среди родственников Ван Гога со стороны матери были эпилептики. Падучей болезнью страдала одна из его теток. Наследственная предрасположенность могла и не проявиться, если бы не постоянное перенапряжение умственных и душевных сил, переутомление, плохое питание, алкоголь и тяжелые потрясения. Причиной развития психоза у Ван Гога мог стать абсент, который по утверждению специалистов, содержал экстракт полыни альфа-туйон. Это вещество, попадая в организм человека, проникает в нервную ткань и головной мозг, что приводит к нарушению процесса нормального торможения нервных импульсов. В результате у человека случаются судороги, галлюцинации и прочие признаки

психопатического поведения.

Он был несчастлив в любви и имел крайне наивные представления о жизни до того, как он избрал поприще проповедника. В 37 лет, когда он, наконец, приблизился к признанию и успеху, которого жаждал на протяжении всей своей жизни, в приступе безумия он покончил с собой, смертельно ранив себя выстрелом в грудь. Это по официальной версии. Но согласно последним исследованиям двух обладателей Пулитцеровской премии – Стивена Найфи и Грегори Уайта-Смита, Ван Гог был смертельно ранен человеком (или людьми), имена (имя) он не хотел почему-то назвать. Давайте сопоставим слухи с фактом: Ван Гог, покинув в мае 1890 года Париж и переехав в Овер-сюр-Уаз, создал за три месяца до смерти 80 картин и 60 набросков. Эта творческая плодovitость и навела Найфи и Смита на мысль, что вряд ли живописец на пике своей творческой карьеры вдруг решил покончить с собой, к тому же незадолго до гибели Винсент сделал крупный заказ на краски. Криминалист Майо, к которому Найфи и Смит обратились с просьбой изучить данное дело, пришел к следующему заключению: дуло рокового пистолета находилось на расстоянии 30–70 сантиметров от тела художника, и чтобы попасть себе в живот под таким углом, ему пришлось бы стрелять левой рукой. И вот еще что: в связи с тем, что в 1890 году использовался черный порох, он должен был оставить черный след на руке стрелявшего. Такого следа эксперты, обследовавшие тело покойно-

го, не зафиксировали. Итак, есть несколько версий о том, кто именно мог бы застрелить живописца. Найфи и Смит считают, что это были местные деревенские подростки. Немецкий историк Ханнес Валлман утверждает, что убийцей Ван Гога был некий местный житель – дебошир и пьяница Рене Сакретан, изо дня в день донимавший художника. Причиной такого отношения могла быть ревность Сакретана к Аделине Раву – дочери хозяина гостиницы, где жил Ван Гог. Последняя их стычка произошла как раз в тот роковой день 27 июля 1890 года, когда Ван Гог шел работать на пленэре мимо дома Сакретана.

Как бы то ни было, какие бы версии не выдвигали современные ученые, есть неоспоримые свидетельства жизни и творчества мастера – его интереснейшие письма.

Записи Ван Гога опровергают сложившееся общее мнение о нем как о безумце и раскрывают истинный масштаб яркого, экспрессивного искусства этого мастера, которого его современники считали не более чем карикатуристом.

Примечание издателя

Если не указано иное, все письма, выдержки из которых публикуются в настоящей книге, адресованы Тео ван Гогу. Большинство из писем не были датированы; предполагаемые даты указаны в скобках. Нумерация писем соответствует системе нумерации, установленной Иоханной Ван Гог-Бонгер в первом издании переписки ее шурина. Номера изображений или рисунков соответствуют номерам писем, к которым они прилагались. Номера изображений, помеченные особым знаком (знак кинжала) отсылают нас к письмам, в которых эти изображения упоминаются.

Часть I. 1875-1881

Интерес к занятиям живописью у Винсента Ван Гога пробудился, когда ему было уже около 25 лет. До этого он пробовал себя в качестве торговца картинами, учителя и миссионера-проповедника. Но даже в ранние годы его жизни в письмах отражены некоторые особенности его личности, которые сохранятся на всю жизнь.

Прежде всего, это умение Ван Гога находить вдохновение и умиротворение в пейзажах и окружающем его мире природы в целом. Его письма из Лондона, Гааги и других частей Северной Европы содержат множество описаний увиденных им окрестностей. Эти пасторальные черты образа мышления в ранние годы сочетались в молодом человеке с глубокой набожностью. Со временем Винсент отказался от своих религиозных убеждений, но восторг перед природой остался в нем на всю жизнь.

Другим неизменным интересом, провозглашенным в юности, стало его восхищение крестьянским бытом и тяжелым ручным трудом. Во времена его краткого и безуспешного миссионерского опыта в Боринаже, беднейшем шахтерском регионе Бельгии, Винсент выполнил ряд рисунков, на которых запечатлел сцены из повседневной жизни шахтеров; эти рисунки дополняют подробные описания тяжелого, изнурительного труда людей, добывающих уголь. Несомненно,

именно в это время у Винсента возникает мысль стать художником.

На протяжении всей творческой карьеры Ван Гог оставался верен одним и тем же влияниям в искусстве, несмотря на то что характер его работ был подвержен изменениям. Особенное воздействие на Ван Гога-живописца искусства французского художника Жана-Франсуа Милле обнаруживается в письмах и ранних рисунках Винсента, а также в лучших работах в поздний период его творчества. Возвышенную идеализацию, с которой Милле изображал жизнь крестьян, приносящую и произведениям Ван Гога.

И наконец, из ранних писем Винсента мы узнаем об особой взаимной привязанности, существовавшей между ним и его братом Тео, арт-дилером, работавшим в Париже. После того как Винсент сделал окончательный выбор в пользу занятий живописью, он стал всецело зависеть от поддержки младшего брата. Для Винсента эти отношения были главными на протяжении всей его жизни, они обеспечивали его эмоциональную, интеллектуальную и финансовую устойчивость; значение этих отношений трудно оценить.

Лондон, 18 апреля 1875

25

К письму прилагаю небольшой рисунок. Я выполнил его в прошлое воскресенье. Утром дочь моей квартирной хозяйки умерла (ей было 13 лет). Это вид коммуны в Стрехэме: большая, покрытая травой территория, с дубами и раkitником. Всю ночь шел дождь, поэтому то там, то тут размытая земля, молодая весенняя трава сочно-зеленого цвета.

Рамсгейт 21 апреля 1876

62

Я очень хотел бы, чтоб ты посмотрел на улицу через это окно. Наш дом стоит посреди площади в окружении точно таких же строений. В центре площади длинная полоска травы, окруженная железной изгородью и кустами сирени. Мальчики играют здесь во время большой перемены. Дом, в котором живу я, расположен на этой же самой площади.

Рамсгейт, 31 мая, 1876

67

Этот небольшой рисунок – вид из школьного окна, глядя в которое мальчики провожают взглядом приезжавших их навестить родителей и направляющихся от здания школы к станции. Многие из этих мальчик, вероятно, никогда не забудут этот вид. Если б ты видел его на прошедшей неделе, когда несколько дней шел дождь и на закате огни уличных фонарей отражались на поверхности залитых водой тротуаров.

Случаются дни, когда господин Стоукс бывает в дурном расположении духа, и тогда, если мальчики, как кажется ему, излишне шумят, он лишает их вечернего хлеба и чая.

Видел бы ты, как они выглядывают из окна! Есть что-то очень грустное в этой картине. У них нет почти ничего, кроме еды и питья, – смотреть в это окно и так проводить свои дни. Мне бы хотелось также, чтоб ты увидел, как они спускаются по темной лестнице и идут через мрачный коридор в столовую. И все же там сияет солнце дружбы!

Другое особое место в доме – комната с прогнившим полом. Там стоит шесть тазов, в которых мальчики умывают-

ся. На тазы падает слабый свет, проникающий через разбитые окна. Это довольно унылое зрелище. Но я охотно проведу здесь зиму, чтобы понять эту жизнь. Мальчики посадили масляное пятно на твой рисунок, пожалуйста, прости их.

Айлуорт, 25 ноября 1876

82

В прошлое воскресенье я был в Петерсхэме, небольшой деревушке на Темзе. Я посетил воскресную школу в Торнхэм Грин утром, оттуда на закате я отправился в Ричмонд, а затем обратно в Петерсхэм. Быстро стемнело, дорога терялась из виду. Это было на удивление грязная дорога, расположенная на возвышенности и проходящая вдоль дамбы. Склоны ее были покрыты кустарником и вязами с густыми, спутанными ветвями. Наконец я увидел вдалеке, у подножия склона, светящиеся окна домов и начал пробираться в темноте, ориентируясь на этот свет. И, мой мальчик, это оказалась очаровательная маленькая деревянная церквушка, чей дружеский свет указывал на конец долгого пути. Я читал присутствующим Деяния апостолов, V:14–16, XII:5–17, «Петр в темнице», и затем я еще раз рассказал им историю об Иоанне и финикиянах. В церкви царила божественная

гармония, звучала музыка, которую исполняла молодая девушка из пансиона, и все ее ученики тоже были здесь.

Утром, когда я отправился обратно в Торнхэм Грин, мой путь был прекрасен: заросли орешника вдоль дороги, яркое голубое небо, утреннее солнце, лучи которого отражались в зеркальных водах Темзы, трава невероятно сочного зеленого цвета, и весь мой путь мне сопровождал радостный перезвон церковных колоколов.

Эттен, 16 апреля 1877

92

Сейчас уже поздно. Сегодня почувствовал непреодолимое желание прогуляться и после полудня отправился в путь. Я бродил около Groote Kerk [Главной церкви] и Nieuwe Kerk [Новой церкви], затем я пошел по направлению к дамбе с ветряными мельницами, которые видны издалека, когда гуляешь вдоль железнодорожной насыпи. В этом пейзаже так много таинственного, необъяснимого, кажется, будто кто-то говорит тебе: «Не падай духом и ничего не бойся!»

Эттен, 22 июля 1878

123

Этим утром Кор¹, который гостит здесь на выходных, и я отправились к вересковым пустошам и в сосновый лес, за мельницу, чтобы насобирать вереск для кроликов, которым они так любят лакомиться, а также чтобы наполнить нашу корзину всякой всячиной, произрастающей здесь. Какое-то время мы пробыли в лесу, где нарисовали карту Эттена и его окрестностей с Брембергом, Спрунделем, Хейке и Де Хоевом.

Я часто думаю о тебе и рад, что твои обстоятельства складываются хорошо, что ты находишь для себя то, что тебя радует, как, впрочем, это было всегда, и что дает поддержку в реальной жизни. Потому что это настоящее искусство, труды тех, кто вкладывает в них свое сердце, душу и разум, подобно тому, как это делают многие люди, которых ты знаешь или с которыми, возможно, встречался лично, для них слова и работа и есть их жизнь и душа.

---

¹ Корнелиус, младший брат Винсента, родившийся в 1867 году.

Лакен, 15 ноября 1878

126

К письму прилагаю небольшой набросок, о котором я упоминал ранее, – «Au Carbonnage» [«У торговцев углем»]

Мне действительно хотелось бы научиться делать беглые наброски то одного, то другого из числа большого количества предметов, которые я встречаю на своем пути во время прогулок по окрестностям, но поскольку это может отвлечь меня от моей настоящей работы, то лучше и не начинать. Вернувшись домой, я сразу приступил к работе над проповедью о «бесплодной смоковнице», Евангелие от Луки, XIII: 6–9.

Этот небольшой рисунок «У торговцев углем» не представляет собой ничего особенного, но была причина, которая заставила меня его сделать: я хотел изобразить людей, которых вижу здесь, которые работают на шахтах, и это своеобразный народ. Домик у дороги, и это на самом деле маленькая таверна, пристроенная к зданиям, расположенным над шахтой, сюда во время обеденного перерыва рабочие приходят пообедать и выпить по стаканчику пива.

Кем, 5 августа 1879

131

Если бы у тебя появилось время приехать сюда и пробыть здесь день или даже больше, я был бы бесконечно рад.

Я мог бы показать тебе больше рисунков, изображающих местных жителей, не те, что ценны как попытка овладеть техникой, но, возможно, ты найдешь в этих сценах все то, что впечатлит тебя своим живописным характером, какого на этой территории предостаточно.

Недавно я побывал в мастерской у Петерсена, который работает в манере Андреаса Схелфхаута или Йоханнеса Хоппенбрауэра и отлично знает толк в искусстве. Он попросил меня дать ему один из моих рисунков, выполненных в моей обычной манере.

Я часто засиживаюсь за работой допоздна, чтобы запечатлеть то, что меня поразило или подкрепить мои мысли, возникающие спонтанно, под воздействием увиденного.

Время, когда птицы теряют свое оперенье, — это для нас, людей, то же самое, что переживаемые нами несчастья, неудачи, трудности. Человек может навсегда потерять оперенье, а может выйти из этого состояния обновленным, преобразованным. И все же терять оперенье не стоит публично, в этом нет повода для радости, поэтому в такие тяжелые времена необходимо уединяться от всех.

Если ты можешь простить человека, поглощенного изучением картин, ты согласишься, что любовь к книгам так же священна, как любовь к Рембрандту, и я даже думаю, что каждая из них дополняет другую.

Что поделаешь! То, что происходит внутри, поневоле прорывается наружу. В душе человека пылает мощный костер, но никто никогда не придет, чтобы согреться подле него. Прохожий замечает не более, чем дымок, выходящий из трубы, и проходит мимо своей дорогой.

Так что же делать? Разжигать этот костер внутри себя, хранить его в себе и терпеливо ждать, но ждать страстно, с нетерпением того часа, когда кто-то придет и сядет около

твоего огня? Но захочет ли этот кто-то остаться? Пусть тот, кто верует в Господа, ожидает этого часа, который наступит рано или поздно.

А сейчас о том, что в данный момент мои дела не складываются, так было не однажды в прошлом, такое не раз случится в будущем. Но возможно также и такое, что после того, как все идет наперекосяк, обстоятельства наконец улучшаются. Я не рассчитываю на это, возможно, этого не случится вовсе, но если перемены к лучшему когда-то произойдут, я посчитаю, что получил слишком много, преисполнюсь благодарности и скажу: «Наконец-то! Так что я получил все же что-то после стольких лет испытаний!»

Пишу тебе произвольно, только то, что приходит в голову.

Мне было бы приятно, если б ты смог разглядеть во мне кого-то другого, а не просто бездельника.

Потому что бездельник бездельнику рознь. Есть люди, которые ничего не делают из лени, отсутствия характера или низости своей натуры. Ты можешь, если хочешь, считать меня одним из них.

Есть и другой сорт бездельников, которые испытывают внутреннее желание что-либо делать, но ничего не делают, потому что у них нет возможности действовать, потому что они словно бы существуют в неволе, потому что они лишены того, что необходимо, чтобы трудиться продуктивно, потому что неотвратимые обстоятельства привели их к этому. Такой человек не всегда знает, на что он способен, но он чувству-

ет инстинктивно: «Тем не менее, у меня получается что-то, я чувствую смысл своего существования! Я знаю, что могу быть другим человеком! Чем я могу быть полезен, что я мог бы делать? Во мне есть нечто, но что это?»

Это совсем другой сорт бездельников. Ты можешь, если тебе хочется, считать меня одним из них.

Птица в клетке отлично понимает весной, что существует нечто, что у нее может получиться хорошо, она чувствует всем сердцем, что есть нечто, что нужно сделать, но она не может этого сделать. Она ничего не может вспомнить, затем у нее возникают смутные мысли и она говорит себе: «Другие вьют гнезда, рожают потомство и взращивают его». И вот уже она начинает биться головой о прутья клетки. Но клетка не отворяется, и птица сходит с ума от отчаяния.

«Вот лежебока, – скажет иная птица, пролетающая мимо, – она живет в комфорте». А заключенная живет и не умирает, никому не показывая, что творится у нее на душе. Она здорова и даже весела, когда светит солнце. Но когда другие птицы улетаю́т в теплые края, она впадает в меланхолию. «Но, – скажут дети, наблюдающие за птицей в клетке, – у нее есть все, что ей нужно». Даже если эта птица смотрит сквозь решетку на хмурое, грозное небо и чувствует, как все внутри нее протестует против ее пребывания здесь: «„Я в клетке! Я в клетке! И у меня ничего нет, идиоты!“ О, ради Бога, дайте мне свободу быть такой же птицей, как другие!»

Есть бездельники, как эта птица.

Люди подчас сталкиваются с невозможностью что-либо делать, потому что заключены в ужасную, ужасную, очень ужасную клетку.

Существует также освобождение, я знаю, окончательное освобождение. Репутация, разрушенная заслуженно или несправедливо, растерянность, неудачи – все это делает человека пленником. Ты не всегда можешь ответить на вопрос, что заставляет тебя замолчать, что выстраивает стены, что заставляет умереть при жизни, но ты ощущаешь что-то вроде решетки, клетки, что-то вроде стены.

Можно ли сказать, что это выдумки, фантазия? Я так не думаю. И тогда я спрашиваю себя: «Мой Бог! Неужели это надолго, навсегда, навечно?»

А знаешь ли ты, что может разрушить тюрьму? Глубокая, серьезная привязанность. Быть друзьями, быть братьями, любить – вот то, что поможет распахнуть двери темницы. Тот, кто лишен этого, остается мертвым.

Но там, где есть сочувствие, жизнь возрождается.

Порой тюрьмой зовется предубеждение, непонимание, роковое незнание того или иного, недоверие, ложь.

Кем, 20 августа, 1880

134

Я сделал набросок, изображающий шахтеров, мужчин и женщин, под снегом идущих утром в шахту по тропинке вдоль живой изгороди из тёрна – едва различимые в полутьме тени. На заднем плане – контуры строений и подъемника на фоне неба.

Посылаю тебе этот набросок, чтобы ты смог представить себе все это. Я чувствую, что мне необходимо учиться рисовать фигуры у таких мастеров, как Милле, Бретон, Брион или Боутон и другие. Что ты думаешь об этом наброске и как тебе сама идея?

Я бы хотел выполнить этот набросок лучше, чем у меня получилось. На нем в его нынешнем виде высота фигур около 10 см. На парном к нему рисунку изображены шахтеры, возвращающиеся с работы. Но, так же как и первый, он не вполне получился; это очень трудно, поскольку здесь присутствуют эффекты темных силуэтов, окруженных светом на фоне полосатого неба на закате.

Кем, 7 сентября, 1880

135

Временами я долго делаю наброски без какого-либо видимого прогресса, но недавно, как мне кажется, у меня получилось кое-что стоящее, так что, я надеюсь, что дальше дело пойдет значительно лучше. В особенности потому, что господин Терстех², как и ты, помог мне с образцами. Думаю, что будет лучше сейчас копировать какие-то значительные вещи, чем работать без такого опыта.

Тем не менее я не смог удержаться и сделал большой рисунок, изображающий шахтеров, идущих к карьеру, я послал тебе набросок с него, на котором слегка изменено расположение фигур. Очень надеюсь, что, скопировав две другие серии Барга, я смогу нарисовать более или менее сносно шахтера или откатчицу, если мне представится возможность найти модель с выраженными характеристическими чертами, какие здесь есть.

Если книга с офортами с Мишеля еще у тебя, одолжи мне ее, если можно, хотя это и не к спеху, ибо сейчас у меня до-

---

² Герман Гейсберт (1845–1927) – сотрудник торговой компании в Гааге, где непродолжительное время работал Винсент.

статочно работы, но я бы хотел снова рассмотреть эти деревенские сцены, потому сейчас я вижу вещи иначе, нежели когда я еще не рисовал.

Надеюсь, тебя не разочаруют мои рисунки с работ Милле, когда ты увидишь их; эти гравюры на дереве восхитительны!

Так что большое спасибо за то, что прислал мне их, и помни, все что ты сможешь найти из произведений этого совершенно особенного художника, будет чрезвычайно полезным для меня. Что касается «Сеятеля», то перерисовал его пять раз – два раза на листе небольшого размера и три раза в крупном формате, и я буду делать еще и еще, потому что этот образ увлек меня.

Кем, 24 сентября, 1880

136

Как ты видишь, я одержим работой, хотя иногда я далек от достижения желаемого результата. Но я надеюсь, что вместо шипов однажды появятся белые цветы и что эта бесплодная борьба нечто иное, как упорный труд во имя зарождения. Сначала боль, затем радость.

Не могу выразить, как много день ото дня мне удастся, несмотря на трудности, не могу выразить, насколько я был

счастлив снова начать рисовать. Это долго волновало меня и в то же время, мне казалось это невозможным, находящимся за пределами моей досягаемости. Но сейчас, даже при том, что я осознаю свое бессилие и болезненную зависимость от многих вещей, в моей душе воцарился мир и моя энергия возрождается день ото дня.

Брюссель, 15 октября 1880

137

Я не полностью отвергаю идею заниматься в Академии живописи, например я мог бы посещать вечерние занятия, если есть места и если они не слишком дороги.

Но цель моя на данное время – научиться делать подходящие для продажи рисунки, с тем чтобы сразу начать кое-что зарабатывать на жизнь, мне это сейчас очень нужно.

Научившись управляться с карандашом, акварелью, офортом, я смогу вернуться туда, где живут шахтеры и ткачи, чтобы научиться работать с натуры более основательно, нежели я делал до сих пор. Но сначала нужно накопить знания и овладеть техникой.

Брюссель, 1 ноября [1880]

Бульвар Дю Миди, 72

138

Недавно я нарисовал то, что потребовало от меня больших усилий, но я рад, что мне пришлось сделать это – рисунок пером, изображающий скелет человека, затем я повторил его еще пять раз на больших листах бумаги Ingres.

Я сделал это, используя справочник Джона Маршалла «Анатомия для художников», в котором содержится большое количество простых и очень понятных иллюстраций частей человеческого тела – рук, ног и т. д.

А теперь я буду заканчивать рисунок с изображением всех мускулов – торс и ноги я уже нарисовал; затем нарисую тело целиком, показанное со спины и сбоку.

Так что, как видишь, я полон одержимости: эти вещи не столь просты, работа над ними требует времени и, кроме того, терпения.

Мне хочется также позаимствовать из местной ветеринарной школы анатомические иллюстрации лошади, коро-

вы, овцы и рисовать животных тем же способом, что и тело человека. Существуют законы пропорций, света и тени, законы перспективы, которые необходимо знать, когда рисуешь что бы то ни было. Если этих знаний будет недостаточно, то все попытки сделать что-нибудь в искусстве останутся тщетными и ты не получишь желаемого результата.

Январь 1881

140

Хочу, чтоб ты знал, что за прошедшие несколько дней я добился в рисовании значительных изменений к лучшему. Я только что закончил дюжину рисунков, скорее это даже наброски, сделанные карандашом, чернилами и мелками, но они, как мне кажется, уже заметно лучше предыдущих. Эти рисунки кажутся таинственными, как работы Огюста Ланкона или как английские гравюры на дереве. Среди прочего я нарисовал носильщика, горнорабочего, уборщика снега, пожилую женщину и пожилого мужчину, похожего на бальзаковского Феррагуса из «Истории тринадцати». Два небольших рисунка [«У камина»] я тебе посылаю. Как я сам вижу, они все еще недостаточно хороши, но это начало моей работы на воздухе.

Я чувствую и верю, что достигну прогресса. Я хочу по возможности достичь того уровня, когда ты понимаешь, как делается портрет.

Но этого можно достичь только в результате упорного труда. Как говорил Гаварни: «Ни дня без линии».

Июнь 1881

146

Я сделал рисунок того места на болоте, где в изобилии растут водяные лилии (неподалеку от дороги в Розендаль).

До сегодняшнего дня я рисовал исключительно карандашом, лишь внося необходимые акценты с помощью пера и тростниковой палочки — когда было необходимо провести более широкие линии.

Самые последние рисунки я создавал, используя тот же способ, но они уже содержали элементы, которые потребовали от меня значительных навыков, а также знания законов перспективы.

Было бы неправильным, рисуя с натуры, упустить из виду многие детали и не обращать внимания на очень важные вещи. И подобных ошибок я обнаружил предостаточно, когда просматривал рисунки, сделанные совсем недавно. Вот та причина, по которой я хочу снова засесть за метод Барга (чей рисунок отличают четкие линии и формы, а также простые, мягкие контуры). И если сейчас я на некоторое время оставлю рисование на воздухе, то затем смогу к этому очень скоро вернуться, но уже по-новому глядя на вещи, гораздо более пристально всматриваясь в них, чем ранее.

Я также надеюсь заполучить хорошую модель, например Пита Кауфмана, рабочего, хотя, как я думаю, было бы лучше, если бы он позировал мне не в моем доме, а во дворе, или в собственном доме, или в поле, с серпом и плугом или каким-либо другим инструментом. Городские и сельские жители отчаянно следуют одной привычке, от которой не могут отказаться: они позируют исключительно в выходной одежде с этими многочисленными складками, за которыми скрываются колени, локти, острые плечи, отмеченные впадинами и

выпуклостями, свойственными людям этого типа. И для художника это становится воистину испытанием.

Сентябрь 1881

Мой рисунок изменился – как техника, так и результат. Также, как итог разговора с Мауве, я вновь начал работать с живой модели. К счастью, мне удалось уговорить нескольких местных жителей попозировать мне, например Питера Кауфмана, рабочего.

Внимательное изучение, упорное и многократное срисовывание с «Упражнений углем» Барга позволили мне лучше понять, как нужно рисовать фигуру. Я научился измерять, наблюдать и искать главные линии, и то, что раньше казалось мне невозможным, сейчас понемногу становится возможным. Слава Богу!

Я пять раз нарисовал крестьянина с лопатой, землекопа – в различных положениях, дважды – сеятеля и дважды – девушку с метлой. А также женщину в белом чепце за чистой картофеля, пастуха, опирающегося на посох, и, наконец, старого больного крестьянина, который сидит на стуле перед очагом, опершись локтями о колени и опустив голову на руки. И, конечно, это не конец – за овцами, перешедшими мост, идет все стадо. Землекопы, пахари, сеятели, мужчины, женщины – мне необходимо рисовать их непрерывно. Наблюдай и рисуй все, что имеет отношение к сельской жизни.

Так многие другие делали и делают до сих пор. И сейчас я уже не чувствую бессилия, когда противостою природе.

Я привез из Гааги цветные мелки (а также карандаши) и теперь рисую ими очень много. Я также начал работать кистью, немного сепией и английским мелком. Что очевидно, так это то, что рисунки, которые я сделал совсем недавно, очень сильно отличаются от тех, с которых я начинал. Размер фигур я позаимствовал более или менее из «Упражнений в рисунке углем».

Что касается пейзажей, то здесь, на мой взгляд, не стоит отчаиваться из-за неудач, напротив, я настроен на победу.

Не стоит говорить, что я посылаю тебе эти рисунки единственно для того, чтоб ты имел представление о том, как я уже умею изображать фигуры в движении. Я сделал эти наброски сегодня за очень короткое время и, заметь, что пропорции все еще оставляют желать лучшего, по крайней мере они значительно менее удачны, чем на рисунках, с которых сделаны.

Вот поле, или поле со жнивьем, которое люди вспахивают и засевают. Я сделал довольно большой набросок этого поля в момент приближающегося шторма. На двух других набросках – землекопы, показанные в движении. Я планирую сделать еще несколько подобных. Еще один – сеятель с корзиной в руках.

Буду безмерно счастлив, если мне удастся изобразить женщину, которая держит в руках корзину с семенами, хочу

исправить ту небольшую женскую фигуру, которую я показывал тебе весной и которую ты видишь на переднем плане одного из этих набросков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.